

Летопись судеб людских

(Рассказ, основанный на реальных событиях)

Автор: Нина Ивановна Габдрахманова

Редактор: Ситникова Валентина Ивановна

Есть на бескрайних просторах Томской области одно сказочное местечко. Небольшое село Берлинка, около 600 человек населения. Оно замечательно историей своего основания, нелёгкими судьбами пришлых основоположников - сильных духом покорителей суровой Сибири.

Из центра России, из Курской губернии, из Пензы, шли ходом мужики. Трудно им жилось, одолевал голод, вот и искали место для житейских дел. Так пришлось одолеть немало вёрст, но однажды вышли они на реку Чулым.

Переселенцы

Переселенцы сплавливались вверх по Чулыму - от Сергундата (г. Асино), в сторону Тегульдета. Они плыли на барже. На высоком берегу, по правую сторону, увидели большую белую церковь. Был слышен лай собак, призывное мычание коров. Значит, место обжитое, люди здесь живут боголюбивые. Раз есть церковь – есть и приход. Староста, Борисов Иван Моисеевич, попросил причалить к берегу. Путешественники сошли на берег. А жили тут местные аборигены – зыряне, и село называлось Зырянское.

Переселенцы нашли старосту села, объяснили, с какой целью они здесь появились. Староста отнёсся к приезжим с пониманием, предложил посмотреть одно место, которое, как ему казалось, было пригодно для проживания. Людей, кто чем мог, накормили, а потом староста повёл их на запад от Зырянского, звериной тропой. Пересекли речушку по брёвнам. Зырянин сказал: «Не глядите, что сейчас в речке воды – воробью по колено, весной она полноводная, в ней водится много рыбы, а в лесах – всякого зверя. Много ягоды, а по берегам реки – кедрач». Мужикам очень понравилось это место, поэтому они сразу же решили полностью обследовать речушку и пойму. Реку звали «Берла», потому что здесь было много медвежьих берлог и водились волки. Берла брала начало из-под деревни Дубровки и впадала в речку Кую, вытекающую из более крупной реки – Чулыма, омывая большой остров, и снова впадая в Чулым. Вокруг были заливные луга, значит, есть сенокос. Зырянин предложил мужчинам переночевать у них в селе. За чаем да самогоном, бесед шла самопроизвольно. Переселенцы остались довольны встречей с местным населением.

Через неделю мужчины уже наводили планы, как будут строиться, каждый выбирал себе подходящее место. Лесу было очень много, тайга стояла нетронутая, первозданная. Всюду росли вековые сосны, лиственницы, кедры. Староста Борисов приказал валить лес - луна была в стадии полнолуния. Часть мужчин он отправил назад, домой, за родственниками, чтобы собирались в дальнюю дорогу, в Сибирь. Оставшиеся принялись за работу. Деревню решили строить вдоль речушки. Инвентарь позаимствовали у местных зырян, благо они были не жадные. В Зырянском была своя кузница, где изготавливали разные инструменты, а излишки продавали. Умельцы выполняли и спецзаказы. Первые дома строили пятистенниками, с маленькими окнами, чтобы меньше тратить стекла. Стекло привозили из Томска или Анжерки - там были стекольные заводы. Печи клали из кирпичасырца, или делали их глинобитными. Кирпич делали сами: квадратные формы набивали раствором и сушили на солнце. Чтобы покрыть крышу, драли из кедра дранку, кедр - очень мягкое дерево. Делали эстакады, затаскивали на них баланы и распиливали продольной пилой на плахи, чтобы настелить потолок или пол. Некоторые строили хатки из очень толстых брёвен, которые распиливали пополам или раскалывали надвое клиньями. Таких половинок хватало на 5-6 венцов (рядов). Выбирали углы, прокладывали мхом для тепла. Матицы и половые балки клали из лиственницы - это самая крепкая древесина, она не боится сырости и долго не гниёт.

За лето было срублено 50 домов, а ближе к осени стали появляться первые подводы с переселенцами. Ехали целыми кланами. Первыми из курской губернии приехали Шамины, Бирюковы, Лимановы, Шатохины, Петрикиевы, Фёдоровы, Михеенко. Много людей погибло в пути - в основном старики и дети. Переселенцы везли с собой семена зерна, скот. Телеги и дроги были оборудованы в форме цыганских кибиток, куда был погружен весь нехитрый скарб. Это было и местом для ночлега стариков и детей. Взрослые ютились возле костров. В пути бывали набеги и грабежи: уводили скот, отбирали имущество, доходило до крупных потасовок. В ход шло всё - и оружие и сабли. Бывало и погибали, но, слава Богу, добрались до места.

Стали обживать. Не голодали: много было дичи, рыбы, дикоросов. Благодарили Господа Бога, своих мужчин, что нашли такое чудное место. Корчевали пни, готовили место под поля - весной посеять жито или репу. Репу ели вместо хлеба. Осенью собирали грибы, кедровые шишки. Грибы сушили, шишки шелушили, добывали орешки. Всё это было в диковину. Запасы делали большие, впрок. Только ленивые могли остаться без запасов. Народ приехал мастеровой: шорники, бондари, кузнецы, плотники и всякие другие работники. На Берле было построено много мельниц и маслобоек. Из

кедровых орешек делали масло. Весной пахали то, что можно было распахать, сеяли пшеницу, рожь, просо, гречиху, овёс, ячмень. Сажали картофель. Из брюквы делали парёнки, репу тоже парили. Ели и сырую, по привычке. Мужчины ходили на охоту добывать мясо. Убивали лосей, диких коз, зайцев, медведей. Били и птицу – глухарей, рябчиков, уток, гусей. Так что без мяса не жили. Кто хотел, тот вкусно ел и сытно жил.

Анюта.

У деда Евсея Шамина были сын Евдоким, сноха Груня, бабка Дуня, внучка Анюта. Девочка родилась в дороге. Светленькая, глазки голубые, и поэтому назвали её Анютой. Старики души не чаяли во внучке, солнышком она для них была. Дело было зимою. Груня погнала на водопой скотину. На реке вырубали прорубь и стояла колода, выдолбленная из ствола дерева. Из речки воду черпали деревянной бадьёй, наливали в колоду и так поили животных. Бадья была очень тяжёлая, этакое деревянное ведёрище. Груня почерпнула воды, хотела вылить в колоду, но поскользнулась и упала в прорубь. Вылезти сама из речки не смогла, валенки обледенели, полушубок был тяжёлый, из овчины сшитый, он тянул Груню на дно. Груня вся намочилась, застыла. Пока её вытащили, она уже обледенела. Груню привезли домой, истопили баню, напарили вересковым веником, напоили самогоном, настоянном на кедровых орешках. Этот настой очень хорошо помогает при простуде, но всё было тщетно. Груня сильно заболела и через месяц умерла.

Анютка осталась без матери, старики очень горевали. Весной Евдоким засеял десятину овсом для коней. Переселенцам давали денежную помощь из царской казны для развития хозяйства. Кто покупал коров, а кто лошадей - это была тягловая сила, нужно было пахать, сеять, убирать и зерно в амбары сваживать. Сеяли лён, чтобы ткать холсты. Из волокна конопли делали верёвки. Лён пряли и холсты ткали, потом шили мужчинам кальсоны, рубашки, рушники.

Однажды Евдоху проснулся рано, оделся и пошёл на свою десятину посмотреть, не зашёл ли бродячий скот и не ест ли овёс. Посреди поляны кто-то ходил. Евдоким рассердился, схватил палку и побежал по полю. Впереди себя он увидел медведя. Тот скручивал овес в снопушки и шёл дальше. Дня через два, три, когда подсохнет овёс, медведь его съест. Евдоким подбежал к медведю, со всей силы ударил его палкой по спине и побежал назад. Медведь взревел, сделал бросок и вмиг настиг Евдоху. Евдоху вскрикнул от резкой боли, кости трещали, по голове шла резкая боль. Медведь с затылка содрал кожу и натянул на лоб. Он снял скальп с Евдохи, потом начал рвать его на куски. В обед мужчины нашли окровавленное тело Евдокима. Медведя застрелили, потому что он ещё раз мог кинуться на человека. Похоронили Евдокима на следующий день. Бедный отец рыдал над гробом сына, причитая: «Сынок, сынок, какой ты глумной – кто же с палкой

идёт на медведя? На кого ты нас оставил? Анюта ещё дитя малое, мать уже старая, а ты, наша надежда и опора, во гробе лежишь...» Так медведь заломал Евдокима.

Евсей приехал в Сибирь не один, а с братьевьями: Иваном, Дмитрием, Филиппом и Николаем. У всех были свои семьи. У Ивана был сын Терентий. У Дмитрия дочери - Анна и Настя, сын Алексей. У Андрея Шамина было много детей: Егор, Иван, Пётр, Екатерина, Арина, Дмитрий. Супруга его Пелагея рожала каждый год.

Лупчиха.

Начались смутные времена, шла революция. Брат на брата, сын на отца доносы строчили. Утром - красные, а вечером - белые делили власть. Сильно лютовал атаман Лубков. Он служил у Колчака и был за белых. Шло время, Анна, дочка Евдокима, подрастала, стала старикам помощницей. Рано пошла в батрачки – часто брали в няньки водиться с детьми. Детей Анна любила, по дому могла помочь, нехитрую снедь приготовить, баньку истопить, в огороде прополоть, полить, когда женщины были на полях или покосе. Дома сидеть некогда было: забот, хлопот хватало, а за работу Анне – кто кринку молока даст, кто краюху хлеба, а кто каши миску. Так внучка кормила дедушку с бабушкой.

Постарше стала, тогда нанималась жито жать, серпом она владела отменно. Снопы вязала да в сулоны ставила. Однажды Аня жала рожь у Аверьяна Савельева. Вдруг, слышит она лошадиный топот. Спрятаться не успела. Налетел отряд Лубкова, как вороны. Обступили вокруг, гарцуют на конях, пьяные, ржут, как жеребцы стоялые. Анна испугалась, ничто не предвещало хорошего исхода. «Ну что, сучка краснопузая, есть у вас в селе красные?» - кричал Лубков - «Есть партийная ячейка? Кто парторг?». Аня молчала, сжавшись в комок, только плакала. «Изнасиловать! Поди ещё не тронутая», - приказал Лубков. Никто не сдвинулся с места. Вперёд вышел пожилой мужчина, поднял руку вверх и молвил: «Не троньте девчонку, она круглая сирота, это дочь моего друга Евдокима, которого заломал медведь». «Задрать подол да всыпать ей, как надо!» - приказал Лубков и первый ударил Анну нагайкой по спине. Другие последовали за атаманом. Лупили Анну без жалости, с остервенением, как будто хотели выместить всю злость. Потом Лубков спрыгнул с коня, отвязал верёвку от седла и, связав Анне руки, привязал верёвку обратно. Запрыгнул в седло и погнал лошадь во весь опор. Аня волочилась за лошадью и молила Бога, чтобы копыто лошади не попало в голову или лицо. Всё тот же друг её отца догнал лошадь Лубкова и саблей перерубил верёвку. Так пришло спасение.

Всё тело Анны горело огнём, кофточка была мокрая от крови, юбка вся порвалась. Всадники проскакали мимо в сторону села. В это самое время старики Кулаковы правили стожок сена. Намедни был сильный ветер и

разворошил его. Старик Николай и Прасковья заделали верхушку, положили таловую притужину. Дед Николай взял с головы у бабки платок и завязал морду своему коню - не дай Бог почует лошадей и заржёт, тогда и им несдобровать. Старики видели всё, что белогвардейцы сотворили с Аней: «Бедная девочка, чтобы им, злодеям, пусто было!» - причитала Прасковья. Когда осела пыль на дороге, старики засобирались домой. Положили Анну на телегу, прикрыли свежескошенной травой. Боязно было везти Аню в деревню, ведь туда поскакал весь отряд. До дома доехали благополучно, никого не повстречали. В огороде стоял большой зарод сена, спрятали Аню туда.

А в деревне – переполох. Лубковцы застрелили нового парторга Фёдорова Дениса, у него осталось трое детей: Вера, Катя и Андрей да молодая жена – хохлушка Марья Семёновна. Дениса арестовали, привезли в берёзовую рощу, что за магазином, заставили снять сапоги, а сам Лубков выстрелил Денису в затылок. Три дня пролежал Денис в роще, стояла охрана, не разрешая забрать тело для погребения. Неделю гулял Лубков с отрядом в деревне. Ходили по дворам, саблями рубили головы курам, хозяек заставляли ошипывать, потрошить, потом на костре жарили, пили самогон и ели. Резали овец, телят, в общем, чинили беспорядок. Насиловали девушек. Обрюхатят девку, заберут с собой, а потом где-нибудь бросят. Некоторые из них возвращались в деревню с ребёнком на руках, а многие пропадали без следа.

Когда отряд белогвардейцев уехал из села, старики Кулаковы начали выхаживать Анну. Истопили баню, помыли её. Прасковья напарила череды, дед сварил мази. У Ани вся спина загноилась. Рубцы от нагаек почернели, кожа нарастала плохо. Смазали живичной мазью. Дед Николай рецепт знал ещё с курской земли. Брал стакан топлёного сливочного масла, стакан воску, стакан сосновой смолы. Всё смешивал, варил на медленном огне 5-10 минут. Всё. Живичная мазь готова. Этой мазью мазали Ане спину, прикрывали холстиной, одевали станинку (сорочку). Когда Аня немного выздоровела, смогла ходить, в народе её стали называть «Лупчихой».

На прозвища не обижаются, на них откликаются. Так и звали Аню Лупчихой до конца жизни. Анна была красивая, статная. Глаза, что два уголька, коса ниже пояса, цвета спелой пшеницы, толстая, в руку. Стал на неё обращать внимание Егорка Шамин, и ей он нравился. Добрый и не охальный, работающий тракторист. Позвал Егорка Аню замуж, она была согласна, но мать Егора – Пелагея, была категорически против. Она так и сказала: «Мне такая сноха не нужна». Но Егор ослушался мать, ушёл жить к Ане, старики к тому времени уже умерли. Собрались друзья, родственники и поставили Егору с Аней пятистенки. Молодые были рады новой избе, а зимой Аня родила Егору первенца. Назвали Володей, а через год ещё родился

мальчик Коля. Егор гордился женой и сыновьями. Он - счастливый отец и муж, а вот Пелагея внуков недолюбливала.

Война

Началась Великая Отечественная война. Каждый день кого-то забирали на фронт, бронь давали редко кому. У Пелагеи на фронт забрали главу семейства – Андрея да сыновей: Ивана, Петра, Дмитрия, Егора. Пелагея была, как серая волчица. Она осталась с двумя дочками – Ариной и Екатериной. Дмитрий был шофёром, остальные - танкисты. На войне муж Андрей пропал без вести, Егор прислал письмо, мол, что находится в госпитале: он горел в танке, спасибо, его спасли однополчане. В госпитале Егор провалялся полгода, потом его комиссовали.

Кончилась война, солдаты стали возвращаться домой. Кто без руки, кто без ноги, но и таким были рады, всё-таки живые. У Пелагеи все сыновья вернулись домой, кроме мужа – главы семейства. Пелагея ходила по деревне гордая, не каждому выпадает такое счастье. Аня была очень рада, что вернулся Егорушка домой. Правда, был он болезненный, но Аня готова была пылинки с него сдувать. Всё лучшее, вкусненькое, ему – Егорушке. Вернувшись с войны, все братовья пошли работать трактористами, нужно было поднимать колхоз, а то на тракторах и комбайнах работали одни девчата.

Володя

Сын Анны, Володя, парнем рос высоким, красивым, в мамину породу. Пришла пора взросления, Володя влюбился в Шершневу Лену. Отец Лены, Николай Акимович, был коновал. Грубый, своенравный, только чтобы было всё, как он скажет, не разрешал Лене встречаться с Володей, он почему-то не любил Шаминых.

Леночка часто болела, была бледная, её одолевал кашель. Говорили, что у неё чахотка. Прошла зима, Лене становилось всё хуже, а в апреле она умерла. Володя пришёл на похороны, хотел попрощаться с любимой, но Николай Акимович схватил кнут и погнал Володю со двора, как будто в нём была вся вина. Схоронили Лену, как белую невесту, так приказал её отец, в белом подвенечном платье и фате. Володя ночь провёл на могиле у Леночки, просил, чтобы она забрала его с собой. Шумели вековые сосны: «Не время, не время». Утром на погосте остались одни нетронутые вековые деревья, а когда Володя пришёл домой, мать его не узнала - весь отёк, осунулся, постарел. Ни с кем не разговаривал и смотрел каким-то потусторонним взглядом. Есть такая примета: если девушку хоронят, как белую невесту, она обязательно заберёт к себе своего суженого.

Время шло. Володя постепенно воспрянул духом. А в то время, в 1951-52 годах, в деревню присылали много ссыльных: латышей, молдаван,

поляков, немцев. Володя начал встречаться с молдаванкой Соней. Вскоре они поженились, дело молодое, жизнь берёт своё. Аня очень любила сноху, души в ней не чаяла. Маленькая, чёрненькая, Володе она была по плечо. Потом Соня родила двойню – девочек Лену и Олю. Аня, как могла, помогала снохе, но после родов Соня сильно заболела, может, плохо перенесла дорогу или ещё что случилось. Аня старалась самый лучший кусок отдать Соне. Соня вся высохла, стала, как былиночка, понятно: двое малых детей, нужно много сил и энергии, чтобы их поднять.

Пришла весна, она была очень ранняя. Снег сошёл рано. В тот год и пасха была рано - 27 апреля. В этот день все пришли на кладбище помянуть усопших. Батюшка Абрам отслужил молебен, миряне начали поминать. Кто сколько мог, тот столько и пил, а пили все - так уж водится в народе. В тот день не все вернулись с кладбища. Володя домой не вернулся. Ночью был большой мороз. Когда наступило утро, Володю начали искать. Его нашли лежащим на могиле Лены, он замёрз. Смерть Володи доконала и Соню, её не стало. Их похоронили в одной могиле. Анна чуть с ума не сошла. Легко ли остаться с двумя малышками на руках, а тут ещё Егор расхворался. Видать, когда горел в танке, спалил лёгкие, да и работа на тракторе не из лёгких – пыльная и грязная. Егора увезли в Томск, в военный госпиталь, но и там помочь ему уже ничем не смогли.

Коля

Сын Анны, Коля, мальчик был рослый, широкий в плечах, очень был похож на деда Евдокима. Учился хорошо, на одни пятёрки. Мечтал стать лётчиком. Школу окончил с медалью. После пасхи прошло 40 дней, настала Троица. Во дворе росли две огромные берёзы. Одну во время войны спилили на дрова, а вторая ещё стояла. Егор Андреевич говорил: «Спилить бы её надо от греха подальше, как бы чего не вышло». Егор сидел на крыльце, когда пришёл к ним двоюродный брат. Он отбил косы и повесил на сук берёзы. Набежали тучки, пошёл дождь, началась гроза. Под берёзой было построено отхожее место (туалет). Коля выскочил из дома, забежал в туалет, в это время сверкнула молния, раздался мощный раскат грома. Берёзу разорвало пополам, она рухнула среди двора и на туалет. Поднялся переполох, шум, гам. Егор на крыльце сидел ни живой, ни мёртвый, он всё понял. Это была первая гроза после зимы, да ещё в престольный праздник. Коля был мёртв. Анна ползала по земле, обезумевшая от горя. Она только причитала: «Господи, за что? За что мне такое горе?» Егор не перенёс смерть сына, утром его нашли на лежанке мёртвым. На кровати спала Анна с девчонками. Пелагея не бросила Аню: где девчонок к себе заберёт, а где по хозяйству поможет, чем может.

Иван

Вернувшись с войны, Иван, сын Пелагеи, зажегся. Грудь в медалях – отбою нет от девчат. Приглянулась ему Лиманова Маша, бойкая девка, работающая, певунья, плясунья. Иван попросил Пелагею, чтобы дала согласие на свадьбу. Пелагея была не против. Сыграли небольшую свадьбу, построили молодым дом. Стали Маня с Ваней жить-поживать да деток рожать. Где в семье лад, будет и клад. Пелагея дала стельную тёлку, чтобы была своя корова, деточки ведь маленькие, как жить без коровы? Мать всегда говорила сыновьям: «Не ищите жён в хороводе, а ищите в огороде.»

Брату Ивана, Пете, нравились две девушки. Красникова Шура – девка бойкая, палец в рот не клади, отхватит всю руку по локоть, и Ефремова Маруся, которая сначала работала на тракторе, а потом её поставили поваром. Мать отговорила Петю якшаться с Марусей: «Девка она вольная, в подоле принесла Арине девчонку, с чужим дитём не бери, своих нарожаете». Петя женился на Нюре Душкиной – тихоня, беднота, голь перекатная. Пелагея сноху приняла. Это – выбор её любимого сына. Ему хороша, а мне-то что? Слюбится, стерпится. Первой Нюра родила дочь, её Пётр назвал Сашей в честь возлюбленной Шуры, а второго ребёнка назвал Володей в честь племянника. Нюра долго не прожила, умерла после родов дочки Гали. Наверное, во время войны надорвалась. Безотказная была – куда пошлют, туда и шла работать. Заступиться некому было: отца не было, братья погибли на фронте. Пётр овдовел. Теперь ему от женщин и девок отбою не было. Он потом женился на Колодкиной Пана, взял с дочкой, но его детям она была не мать. Злая, очень жестокая, детей держала в чёрном теле, они не доедали, не досыпали. Потом Пётр с семьёй уехал на север, в Дудинку. Там Пана вынудила сдать детей в детдом, ей они были не нужны, что Пётр и сделал.

Прошло много лет, Пётр вернулся в родное село. Пана по приезду умерла, а Пётр женился на Денисовой Нюре. Нюра была вдовая, её муж Фёдор умер от ран. Денисова Нюра любила выпить. Не рассчитала своих возможностей ихватила лишка, от чего и умерла. Потом Пётр женился на Гусевой Анне и ещё раз овдовел. Вот уж судьба – судьбина! Сколько раз женился и все жёны были или Нюры, или Анны. Последние дни он доживал с дочкой Сашей, та для отца делала всё, лишь бы ему было хорошо. У Саши тоже не всё было гладко. Летом, в половодье, в Куе, утонул её единственный сын Николай.

Анна

Анна прожила долгую, несчастную жизнь. И до самой смерти её и звали Лупчихой. Однажды, с утра, Анна почувствовала себя плохо, болела голова, колело сердце, всё тело ныло от боли. Анна поставила квашню, приготовила дрова, чтобы истопить русскую печь. К вечеру ей стало немного

легче. Через силу она встала, вынесла квашню. Анна знала, что пришёл её последний час, что сегодня она умрёт. Жена двоюродного брата прислала ей стряпни. Екатерина Терентьевна очень хорошо стряпала сдобу, а также прислала молочка парного. Анна растопила печь, выкатала хлеб, накормила кошку и собачку, дала еды кабанчику. Вроде бы всё, управилась. Потом встала с лавки, посадила в печь хлеб. «На поминки всегда уходит много хлеба» - подумала Анна - «Кабанчика зарежут, наварят щей поминальных, лишь бы пораньше меня нашли». Она очень боялась, что протухнет, люди придут провожать и будут носы затыкать. Хлеб испёкся, Аня деревянной лопатой вытащила булки из печи. Положила их на стол, прикрыла холщёвиной, чтобы отпотел. Хлеб удался. Булки были высокие с вкусным запахом.

Анна осталась довольна собой. Она встала с лавки, пошатываясь, подошла к кровати и легла поверх одеяла. «Наверно, приедут внучки», - подумала Анна и закрыла глаза. И всё, что с ней случилось за всю её нелёгкую жизнь, плыло перед глазами, как немое кино. Она вспомнила мать, отца. Боль в спине сковала её всю, как будто её только что избили нагайками, вспомнила своего любимого Егора Андреевича, его натруженные, но ласковые руки. Сколько нежности было в них. Вспомнила своих сыночков, своих кровиночек. Правда говорят, что белая невеста своего суженого к себе заберёт. Значит, Володина судьба была Леночка, а судьбу не обойдёшь, не объедешь. Вспомнила свекровь Пелагею, вспомнила добрым словом, зла она на неё не держала. Сноха Соня стояла перед ней и куда-то звала, говорила: «Мама, мы тебя ждём, приходи скорее, будем все вместе». Потом Аня слышала, как во дворе упала большая берёза, она подумала, что это Егор её спилил, от беды подальше. Анне стало холодно, она стала отходить в иной мир. Подушка была мокрая от её горючих слёз. Больше она уже ничего не слышала, не видела, не чувствовала. Она не слышала, как во дворе завывала собака.

Утром Николай Филиппович и Екатерина Терентьевна обнаружили мёртвую Анну. Её хоронили на третий день, по обычаю. Народу было очень много. Приехали внучки. Провожать Анну пришло всё село. Многие жалели Анну, зная её нелёгкую судьбу. Похоронили её под вековой сосной, рядом с Егором и детьми. Так закончился жизненный путь Шаминой Анны Евдокимовны - Лупчихи.

Марья

Сколько народу, столько и судеб. У каждого судьба своя. Марья, уроженка Волынской губернии, в Сибирь попала случайно. Её брата-революционера сослали в Сибирь из-за того, что он был ярый коммунист. Марья тоже была партийная, а вот брат Павел служил при Зимнем дворце у

царя Николая. Брат Калина тоже придерживался коммунистических взглядов и был коммунистом. Калина погиб в бою, защищая родную страну от белополяков. Были такие смутные времена, что власть менялась по пять раз на дню. То красные, то белые – кто кого одолеет. Брат Макар шёл по этапу в Сибирь вместе со Сталиным. Сталина сослали в Нарым, откуда он вскорости бежал, а Макария – в Тегульдетскую тайгу, там были лагеря для политических. Его друга Волуйко сослали в Громышовку, там тоже были политические поселения. Макар прислал домой письмо и позвал родных переехать в Сибирь. Места здесь хорошие, хлеба едят вдоволь, многие живут одиночно, имеют свои поля, держат много скота, есть и очень зажиточные, но их пока не притесняют.

Дома, на Волынщине, оставались ещё сестры Марья и Настя. Отца уже не было в живых, его расстреляли. Он пострадал из-за детей, потому что они были за красных. Старушка-мать жила в страхе за дочек. Марья оставила Настю с матерью, а сама поехала в далёкую неведомую Сибирь к брату Макару. Была зима. Сибирь встретила Марью лютыми морозами. Одежда на ней была не по сезону. Брат дал ей полушубок и валенки. Это всё было ей в диковинку. Полушалок, вязаный из овечьей шерсти, подарила ей сноха Ксюша, жена Макария. Постепенно Марья стала привыкать к сибирским морозам, к быту. Марья девушка была красивая, коса чёрная, толстая, до пояса. Местные ребята стали заглядываться на Марьюшку-хохлушку, но брат сказал: «Не торопись, всегда замуж успеешь, была бы шея, а хомут найдётся». Слово брата для Марьи – закон. В марте, в Зырянском, была партийная конференция. Среди делегатов была и Марьюшка. Вот тут она и заприметила чернявого паренька. Сердце часто-часто забилося в груди, стало как-то волнительно, непонятно. Парня избрали парторгом в Берлинку, это был Денис Фёдоров. Между молодыми людьми проскочила искра любви, а из искры возгорелось пламя. Денис и Марья поженились, стали жить в Берлинке. Жили дружно. Свекровь и свёкор очень полюбили сноху. За что бы Марья не бралась, всё у неё получалось. Пойдёт траву косить – косу брала девятку - больше мужиков выкашивала, жито жать она тоже умела. Сено начнут метать, брала вилы и кидала на стог по полкопны. Зароды у неё получались ровные, красивые, прямые: ветром их не раздувало, дождём не заливало. Долгими зимними вечерами сноха и свекровь пряли шерсть, пряжи нужно было много. У свекрови Марья научилась ткать. Пряли на деревянных пряхках, а дома Марьюшка прядла на веретено.

Тем же временем брат Макар съездил на волынщину, привёз оттуда мать и сестру Настю. Брата Павла уже не было в живых. Он погиб при взятии Зимнего дворца. Мать Василиса была удивлена, что есть такие деревья, на которых растут шишки, а в них – орешки, которые можно щелкать, ещё её очень удивила и понравилась баня. Дома, в России, они мылись в русской

печке. Печки были огромные, глинобитные, занимали половину избы. Внутри печки ставили корыто, наливали воду и мылись. В Сибири детей купали в деревянной лохани, лохань была на ножках, а взрослые мылись из деревянных корыт. Бани топились по-чёрному, парились берёзовыми, пихтовыми, можжевельновыми или вересковыми вениками. Это новшество очень понравилось Василисе. Да и лес был обилён ягодами да грибами. Много было черёмухи. Ягоды сушили, потом мололи на мельнице, заваривали кипятком и ели с тёплым хлебом и молоком.

У Дениса и Марьи родилась дочь, имя ей дали – Вера, а потом мальчик Андрей и ещё одна девочка - Катя. Марья была на восьмом месяце беременности, когда Лубков выстрелом в затылок убил Дениса. От сильного стресса она скинула, был мальчик. Его положили в гроб к Денису. Марья от горя вся почернела, стала отрешённой, потеряла смысл жизни, только маленькие деточки да свёкор со свекровью помогли ей выжить. Нужно было жить ради стариков, ради детей. Марья всю себя посвятила работе. Шло стахановское движение. Марья была стахановкой. Всегда выработывала больше нормы. На каждом собрании её ставили в пример другим, а ещё – она решила продолжить дело своего мужа, её избрали парторгом партийной ячейки. Она была в курсе всех партийных дел. Ни одно собрание не проходило без неё.

Шло время. Вера вышла замуж за Борисова Бориса. Они уехали жить в татарскую деревню. Бориса послали туда председателем в колхоз им. Тукая. Там они проработали больше 10 лет, а потом вернулись в Берлинку. Марья жила с родителями Дениса и детьми. Однажды вечером к ним пришёл мужчина. Низенького роста, весь в муке. Это был мельник Лиманов Фёдор Васильевич. Он был вдовый – жена умерла в родах, родив ему третьего мальчика, Васю, а ещё были Иван и Филипп. Старики Марье сказали: «Смотри, выбирай сама, тебе жить, но не смей обижать детей и своих обижать не позволяй». Отец Дениса сказал Фёдору: «Узнаю, что обижаешь моих внуков, наваляю – мало не покажется».

Вот так Марья и Фёдор свели в кучу шестеро детей. Семья получилась большая. Некогда было спать, нужно было накормить, обстирать, в школу собрать. Потом родилась дочка Тоня, за Тоней – сын Коля. Марья последыша звала Коленькой, но у неё получалось – Кулёмка. Так он всю свою жизнь и был Кулёма. Работал ветврачом в колхозе. В жены себе взял девушку из Громышовки - Жигулину Валентину. Жили дружно, родили троих детей – Иру, Сашу и Олега. Валя тоже работала в колхозе.

Сестра Макара, Настя, ударилась во все тяжкие. Любовь одолела, молодость. Однажды зимой она с молодёжью пошла в соседнее село на вечерку, а чулки шерстяные не одела, пошла в базарных, тоненьких. Был сильный мороз, Настя обморозила ноги, особенно колени. Её еле довели до

дома, сама она идти не могла. Утром вздулись волдыри, ноги опухли, ходить было невозможно – лазила на попе. Так Настя стала калеккой. Летом Макар брал её на пасеку, он был колхозным пасечником. Там он лечил Настю пчёлами, но ничего не помогало. Тогда решили сдать Настю в дом инвалидов, она стала обузой для всех. Настя написала письмо в Берлинку Марье: «Сестрица, милая, возьми меня к себе». Марья ответила: «Куда же я возьму тебя к себе? У меня итак большая семья». «Марьюшка, милая, а у Макара - десять детей, да ещё мама Аксинья, знай себе, рожает. Макар хочет увезти меня в дом инвалидов, лучше в омут головой, чем так жить». «Раньше надо было думать головой, а не попой», - отвечала Марья. Макар действительно увёз Настю в мариинский дом инвалидов. Настя прислала всего одно письмо: «Я вышла замуж за инвалида, родила себе сына Семёна, назвала в честь тяти». На этом связь оборвалась.

Однажды зимой Марья сильно заболела, всё тело у неё зудилось, открылся понос. Бывало, идёт и капает по всей избе. А чувствовала она себя хозяйкой в доме, слово сказать против было нельзя. Николай Фёдорович взял отпуск на месяц и сам ухаживал за матерью. Месяц прошёл, Николаю нужно было выходить на работу. Он оставил мать одну: Валя была на работе, Олег учился в СПТУ. Когда Николай ехал домой на обед, ему навстречу быстро шел сосед, бывший директор школы Никольский Николай Николаевич: «Поторопись, сосед, у тебя мать повесилась». Когда Николай зашёл в дом, мать действительно висела на чересседельнике, на крюке, где Николай вил верёвки. Марье было без двух месяцев 100 лет. На столе лежала записка: «Не ругайте меня, я приняла для себя решение, а своих решений я не меняю». У неё хватило силы воли сделать это.

Долго пришлось искать её, ещё новую, фуфайку. Из своей пенсии Марья давала деньги внуку Олегу, а остальные куда девала, никто не знал. Дочурка малолетняя и говорит: «Папа, бабушка какую-то фуфайку всё чинила, а фуфайка была без дырок совсем. А заплаток она много налепила». Николай вспомнил, что какой-то фуфайкой он закрыл жерло погреба. Открыли крышку погреба и увидели фуфайку, всю в заплатках. Когда начали отпарывать заплатки, оттуда посыпались деньги. Так нашёлся бабушкин клад. Нарочно не придумаешь. Хорошо, что Николай Фёдорович не выкинул эту одежку на помойку, а закрыл ею погреб. У старых бывают свои причуды.

Похоронили Марью между Фёдором и Денисом. Фёдор был на 10 лет старше Марьи, всю жизнь проработал мельником, был отличный рыбак. С ранней весны до поздней осени семья всегда была с рыбой, а это – большое подспорье. Рыба была во всех видах: жареная, солёная, вяленая, сушеная, в ухе варёная, в пирогах запечённая. Фёдор часто раздавал рыбу соседям. Он всегда говорил: «Малым поделись, а большим подавись. Жадность до добра

не доводит». Он и детей учил, что жадность – это порок, корысть. А Бог видит доброту, ещё даёт, а без Бога – не до порога. На пороге помолись, на все четыре стороны низко поклонись, добычей с ближним поделись. Кто сам ест и других кормит, о тех Господь в трудную минуту вспомнит.

Вспомнили и мы с тобой, дорогой читатель. Подивились рассказам о судьбах людских. Описаниям былой жизни и быта небольшого сибирского села, возможно, кое-где навеянным авторской фантазией, но в точности повторяющим исторические события давно минувших дней. Добрый дух предков-переселенцев живёт в берлинцах и поныне. Он дал имена, фамилии, научил беречь в памяти свои истоки, ведь недаром в селе доньше сохранились старые названия поселенческих местечек: пензенский край, курский край.

Нескончаема летопись судеб людских. Живи, Берлинка! Добра вам, люди, тёплых лет, не очень лютых морозов и неба над головой – самого мирного!